

УДК 94(47).072.5
ББК 63.3

УЧАСТИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КАЛМЫЦКОГО ПОЛКА В ВОЙНАХ С НАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИЕЙ: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

С. В. Джунджузов

Калмыцкий народ по праву гордится своей военной историей. В XVIII и начале XX в. военные кампании Русской армии не обходились без участия боевых формирований калмыков. Мужество и отвага калмыцких полков в полной мере проявились в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах. Повышенный общественный интерес к этим событиям накладывает на историков особую ответственность за объективное и полное их изложение.

Впервые сведения о Ставропольском калмыцком полке были представлены в книге Г. Н. Прозрителева «Военное прошлое наших калмыков», изданной в 1912 г. Ее автор, известный исследователь истории Ставропольского края и всего Северокавказского региона, не был знаком с историей Ставропольского калмыцкого войска. Исследователь ошибочно полагал, что Войско возникло естественным путем, а затем центральная власть закрепила его существование пожалованием земли «для большей устойчивости и упрочения зависимости» [Прозрителев 1912: 48 ()]. Отсутствие достоверных сведений о месте поселения ставропольских крещеных калмыков стало причиной другой досадной ошибки. По мнению Г. Н. Прозрителева, свое название полк получил в честь Ставрополя на Кавказе и к его формированию был причастен нойон Большедербетовского улуса Хапчуков [Прозрителев 1912: 95–96 (II)]. Несмотря на это недоразумение, труд Г. Н. Прозрителева имеет важное историографическое значение. На документальной основе в нем описывается участие калмыков Ставропольского войска в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах, приводятся статистические данные о штатном составе полка, боевых отличиях и понесенных потерях. Авторский текст дополняют включенные в качестве приложения архивные материалы.

В том же 1912 г. в Пятигорске отдельной книгой был издан очерк представителя калмыцкой национальной интеллигенции Е. Ч. Чонова «Калмыки в русской армии. XVII, XVIII вв. и 1812 год». В книге излагается история участия калмыков в походах и войнах, которые вела Россия с XVII по

XIX вв. Автор обратил внимание на ошибочное мнение Г. Н. Прозрителева о том, что Ставропольский калмыцкий полк формировался из калмыков Ставропольской губернии, и, пользуясь в основном материалами из книги своего предшественника, доказал, что в полку служили крещеные калмыки из Ставропольского калмыцкого войска. Кратко, в хронологическом порядке перечислил Е. Ч. Чонов события и сражения, в которых принимал участие Ставропольский полк. Отдавая должное ратным подвигам своих предков и их преданности России, исследователь заключил свой труд следующим патетическим выводом: «Калмыки с неустрашимой отвагой сражались и поражали неприятеля и, проявляя редкую степень усердия и преданности Великому Государю, споспешествовали победам русского воинства, которое, предводимое Державным Вождем, установило спокойствие и благоденствие Европы, измученные народы которой видели калмыков в числе своих освободителей от Наполеонова ига» [Чонов 2006: 69]. Общий вывод дореволюционных историков о героизме калмыцких воинов и их больших заслугах в победах, одержанных Русской армией, остается неизменным и поныне.

С установлением Советской власти участие калмыков в антинаполеоновских войнах почти на столетия перестает быть темой исторических изысканий. Сначала не в чести была царская армия, а когда уже в годы Великой Отечественной войны «подняли на щит» народный патриотизм, исчезла из исторических исследований «калмыцкая тема»: калмыцкий народ стал жертвой репрессивной национальной политики сталинизма, по огульным обвинениям все калмыки были депортированы в восточные районы страны, а республика ликвидирована.

Первый по настоящему научный труд, в котором говорилось о национальных формированиях в Русской армии под названием «Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года» был издан в 1962 г. и приурочен к 150-летию юбилею описываемых в нем событий. Автор книги, П. Е. Матвиевский, отметил главную сложность, с которой стал-

киваются историки, обращающиеся к данной теме, — отсутствие в большинстве случаев указаний на национальную принадлежность казачьих формирований. «Известно, что башкирские, мишарские, тептярские и калмыцкие полки часто действовали в одних соединениях с русскими казачьими или кавалерийскими полками. Поэтому в официальных реляциях и переписке боевые действия национальных полков регистрировались и значились под одним общим наименованием — казачьих полков. И только некоторые из них записаны в донесениях и мемуарах за национальными полками в отдельности» [Матвиевский 1961: 144–145]. Собственно военным действиям посвящена VI глава книги — «Казачьи и национальные полки края в Отечественной войне и заграничном походе». Следуя заданной сюжетной линии, автор в основном обращается к тем эпизодам боевых действий, в которых участвовали оренбуржцы, а в их числе и Ставропольский калмыцкий полк. Незначительные по объему сведения о последнем П. Е. Матвиевский отслеживал главным образом из опубликованных источников, таких как приложения из упоминавшейся выше книги Г. Н. Прозрителева и материалов, представленных в трудах Московского отдела Русского военно-исторического общества.

В 1960-е гг. вопросами участия калмыков в войнах России против внешних врагов в XVIII–XIX вв. плодотворно занимался Т. И. Беликов [Беликов 1960; 1965]. Он существенно расширил источниковую базу, обратился к мемуарной литературе [Генерал Багратион 1945; Михайловский-Данилевский 1840; Раевский 1822] и, что особенно ценно, ввел в научный оборот архивные материалы из четырех фондов Российского государственного военно-исторического архива. В строгой хронологической последовательности им прослеживается переход Ставропольского полка к театру военных действий и его дальнейшее участие в боях с неприятелем. Т. И. Беликов акцентировал внимание на ошибках, допущенных его дореволюционными предшественниками Г. Н. Прозрителевым и Е. Ч. Чоновым, но и сам не смог избежать некоторых неточностей, касавшихся поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье.

Настоящим прорывом в изучении Ставропольского калмыцкого войска стали труды исследователя истории калмыцких казачьих поселений К. П. Шовунова. В 1974 г.

он написал статью «Ставропольское калмыцкое войско» [Шовунов 1974: 230–246]. Материалы этой статьи с некоторыми дополнениями были включены в изданную в 1992 г. монографию «Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.)». К. П. Шовунов ввел в научный оборот большое количество новых источников. Один только приведенный им список архивных фондов, сосредоточенных в десяти центральных и региональных архивах, составил 74 названия. Историк достаточно полно осветил административное и военное устройство ставропольских калмыков, значение их службы в охране Оренбургской пограничной линии.

Большинство исследователей в своих публикациях стремятся поместить максимальное количество сведений, собранных из разных источников. Хронология событий ими расписывается вплоть до дней, а иногда и часов. Как правило, в таких работах встречаются длинные перечни местностей, рек, населенных пунктов, но во многих случаях не конкретизируется участие калмыков в происходивших сражениях [Джесюпов 2007: 51–55]. Иной подход к изложению исследуемого материала предложил К. П. Шовунов. В главе, посвященной Отечественной войне 1812 г., автор стремится показать масштабную картину действий отдельных русских армий и крупных воинских соединений против наполеоновских войск, и на их фоне конкретизировать участие калмыков в военных операциях и их вклад в победу над врагом [Шовунов 1992: 229–272]. Вопреки утвердившемуся в литературе мнению, что первым действовавшим против французов партизанским отрядом стала группа Дениса Давыдова, К. П. Шовунов решительно заявил, что партизанскую войну армейских частей открыл отряд генерал-адъютанта Ф. Ф. Винцингероде. Стратегическая задача этого отряда состояла в охране Петербургской дороги в случае возможного наступления французских войск на Петербург. Вместе с тем он должен был вести разведку за действиями противника. Ставропольский калмыцкий полк был приписан к сводному отряду Ф. Ф. Винцингероде с конца июля 1812 г. Утверждение это представляется не вполне верным. Отряд Ф. Ф. Винцингероде являлся «летучим корпусом»¹, который, в отличие от парти-

¹ Официально он так стал именоваться с 29 августа 1812 г.

занского армейского отряда, сформирован по инициативе командования, а не образовывался из волонтеров и добровольцев.

Важные сведения обнаружил К. П. Шовунов в Фонде собственной е. и. в. канцелярии Российского государственного исторического архива, в делах которой имеются данные о партизанских рейдах ставропольских калмыков в переломный период Отечественной войны — сентябре-октябре 1812 г. [РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 694]. Также на основе материалов из фонда М. Б. Барклая де Толли Российского государственного военно-исторического архива автор прослеживает участие Ставропольских калмыков в Заграничном походе 1813–1814 гг. [РГВИА. Ф. 103. Оп. 208в. Д. 29]. Несомненным достоинством монографии К. П. Шовунова являются составленные автором карты-схемы боевых действий калмыцких полков. К сожалению, мелкий шрифт и плохое качество печати затрудняют их рассмотрение, поэтому, учитывая их научно-историческую значимость и возможности современной полиграфии, необходимо позаботиться о новом издании этих карт.

Наиболее подробное описание участия Ставропольского калмыцкого полка в военных кампаниях 1812–1814 гг. представлено в монографии В. А. Кузнецова «Иррегулярные войска Оренбургского края» [Кузнецов 2008: 281–294]. Исследователь привлек солидный массив материалов, в том числе и не использовавшихся предшественниками. К числу последних относятся документы из коллекции фонда Военно-ученого архива [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2462, 3406, 3510]. В них содержатся известия об участии полка в боях под Звенигородом в конце августа 1812 г. и в сражениях Заграничного похода. В некоторых случаях недостаток информации о боевом применении Ставропольского полка В. А. Кузнецов компенсирует описанием действий корпусов, в составе которых он находился, справедливо полагая, что в них были задействованы и калмыцкие воины. Кропотливое изучение историком источников и литературы позволило выявить и тем самым отдать дань уважения и признательности потомкам десяткам офицеров, урядников и рядовых калмыков-казаков, отмеченных боевыми наградами. Повествование о ратных подвигах Ставропольского калмыцкого полка

В. А. Кузнецов закончил словами, в полной мере отражающими сложившееся в отечественной историографии еще с дореволюционных времен единодушное мнение: «Ставропольский калмыцкий полк, наряду с братьями по крови 1 и 2-м калмыцкими полками, внесли неоценимый вклад в общее дело победы над Францией... Бок о бок с русскими воинами сыны калмыцкого народа честно и добросовестно до конца выполнили свой долг, показывая образцы стойкости, мужества и отваги» [Кузнецов 2008: 293–294].

Исследования, проведенные несколькими поколениями историков, позволили выявить и обобщить большой пласт источников, содержащих сведения об участии Ставропольского калмыцкого полка в войнах с наполеоновской Францией. Развитие современной историографии во многом также будет определяться поиском и введением в научный оборот новых архивных документов из различных фондов Российского государственного военно-исторического архива и других архивных хранилищ России, а, возможно, и европейских государств. Архивный поиск исследователи вынуждены строить на предположениях и интуиции, поскольку интересующий архивный материал, как правило, заключен в документах, в названиях которых Ставропольский калмыцкий полк не упоминается. Другим перспективным направлением научной деятельности должна стать публикация уже известных источников. Тем самым удастся не только сохранить накопленный исторический материал, но и сделать его доступным для широкого круга как профессиональных историков, так и общественности.

Источники

- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).*
Российский государственный исторический архив (РГИА).

Литература

- Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста: Калмгосиздат, 1965. 180 с.
Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калмгосиздат, 1960. 144 с.
Генерал Багратион. Сб. документов и материалов / под ред. С. Н. Голубова. М.: Госполитиздат, 1945. 255 с.

- Джесюпов Э. С. Ставропольский калмыцкий полк в Отечественной войне 1812 г. // Археография Южного Урала. Мат-лы VII Межрегион. науч.-практ. конф. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2007. С. 51–55.
- Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск: [б. и.], 2008. 478 с.
- Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Исторические очерки. Оренбург: Южный Урал, 1962. 184 с.
- Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года: в 4 ч. Репринтное издание 1840 г. СПб.: Альфарет, 2011. Ч. 1. 500 с. Ч. 2. 448 с. Ч. 3. 448 с. Ч. 4. 412 с.
- Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык // Труды Ставропольской Ученой Архивной комиссии. Вып. 3. Ставрополь: Губ. правление, 1912; 2-е изд., репринтное. Элиста: Сана, 1990. 144 (I) + 28 (II) + 60 (III) + 44 (IV) + 30 (V) + XXXXIII с.
- Раевский А. Воспоминания о походах 1813–1814 гг. в 2 ч. М.: Университетская типография, 1822. 168 с.
- Чонов Е. Ч. Калмыки в русской армии XVII, XVIII вв. и 1812 год. Очерк, статьи, биография. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 142 с.
- Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: КИОН РАН; Союз казаков Калмыкии, 1992. 319 с.
- Шовунов К. П. Ставропольское калмыцкое войско // Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии: сб. науч. тр. Элиста: КГУ, 1974. С. 230–246.

УДК 94(47).072.5

ББК 63.3

КАЗАЧЕСТВО ЮГА РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.*Ю. А. Стецура*

Отечественная война 1812 г. явилась крупнейшим событием не только в русской, но и в европейской истории. Возникновение войны было вызвано стремлением Наполеона достичь мирового господства.

Н. М. Карамзин, являясь современником событий, в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» представил читателям всю сложность и противоречивость внешнеполитических событий накануне Отечественной войны 1812 г. Он писал: «Политика нашего Кабинета удивляла своею смелостью: одну руку подняв на Францию, другую грозили мы Пруссии, требуя от нее содействия! Не хотели терять времени в предварительных сношениях, — хотели одним махом все решить» [Карамзин 1991: 52]. Официальный историограф российской империи Н. М. Карамзин, анализируя Тильзитский мирный договор, согласно которому страны признавали наполеоновские завоевания в Европе, указывал на то, что Россия должна «вступить за безопасность собственных владений, к коим стремился Наполеон» [Карамзин 1991: 53]. Он отмечал, что Россия «без стыда могла бы отказаться от Европы, но без стыда не могла служить в ней орудием Наполеоновым, обещав избавить Европу от его насилий», однако основной задачей, по мнению автора «Записки о древней и но-

вой России...», была собственная безопасность, которая является «высшим законом в политике», поэтому «Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество» [Карамзин 1991: 54].

В. О. Ключевский подчеркивал, что события войны 1812 г. «вызвали необычайное политическое и нравственное возбуждение; общество *непривычно оживилось*, приподнятое великими событиями, в которых ему пришлось принять такое деятельное участие» [Ключевский 2005: 86].

Все сословия российского общества приняли участие в борьбе против наполеоновских войск. Особенно активно с первых дней войны выступили казаки страны, в том числе Юга России.

Казачество, являясь военизированным сословием, в это время проявило чудеса храбрости, находчивости, преданности на всех участках военных действий.

И. Я. Куценко справедливо отмечает, что на становление военного опыта казачества оказывали «формирование боевых традиций, основанных на «наработках» предков, «охотников и воинов», а также их особый социальный статус. Исторические, экономические, военно-политические факторы порождали у казачества «духовно-психологический климат», основанный на